

ISSN 0130-7673

НОВЫЙ
МИР

12

2004

СОДЕРЖАНИЕ

АЛЕКСЕЙ СМИРНОВ — Присутствие осени, стихи	7
ИГОРЬ САВЕЛЬЕВ — Бледный город. Повесть про автостоп	12
ТАМАРА БУКОВСКАЯ — Витражный осколок, стихи	47
ВЛАДИМИР КРАВЧЕНКО — Из пороха в порох, повесть	51
ДМИТРИЙ ЗИНОВЬЕВ — С музыкальным боем, стихи	72
АННА МАТВЕЕВА — Итальянское вино. Маленькая повесть	76
ЕВГЕНИЙ КАРАСЕВ — Ожившие запахи, стихи	93
ЕВГЕНИЙ ШКЛОВСКИЙ — Из-под козырька, рассказы	97
ГРИГОРИЙ КОРИН — Окрыленная книга, стихи	112

КОММЕНТАРИИ

АЛЛА ЛАТЫНИНА — Изгнание из номенклатурного рая	115
---	-----

ДНЕВНИК ПИСАТЕЛЯ

А. СОЛЖЕНИЦЫН — Награды Михаилу Булгакову при жизни и посмертно. Из «Литературной коллекции»	122
--	-----

БЕСЕДЫ

ЛАМПАНИДУС С ГОЛУБЫМИ ФОНАРИКАМИ. Беседа Олеси Николаевой с Геннадием Снегиревым	128
--	-----

ОПЫТЫ

СЕРГЕЙ БОРОВИКОВ — В русском жанре-27	137
---------------------------------------	-----

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

ЕЛЕНА НЕВЗГЛЯДОВА — «Его взыскательные уши...» О поэтике Пастернака по следам статьи М. И. Шапира «...А ты прекрасна без извилин...»	142
--	-----

(См. на обороте)

СОДЕРЖАНИЕ (окончание)

РЕЦЕНЗИИ. ОБЗОРЫ

Сергей Костырко. Безальтернативность Слаповского	153
Никита Елисеев. Стереоскопичность памяти	157
Лиля Панн. Военная тайна Бориса Слуцкого	161
Алексей Балакин. Нина и другое. Сергей Бочаров. Р. С. к рецензии Алексея Балакина	163
Владимир Губайловский. Нежная дикость	171

КНИЖНАЯ ПОЛКА ПАВЛА КРЮЧКОВА	175
КИНООБОЗРЕНИЕ ИГОРЯ МАНЦОВА	184
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ДНЕВНИК ОЛЬГИ ГЛАДКОВОЙ	191
WWW-ОБОЗРЕНИЕ СЕРГЕЯ КОСТЫРКО	197

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ЛИСТКИ

Книги (составитель Сергей Костырко)	202
Периодика (составители Андрей Василевский, Павел Крючков)	205
SUMMARY	240

ПОЭТИЧЕСКАЯ ПРЕМИЯ «ANTHOLOGIA»

учреждена редакцией журнала «Новый мир»
в феврале 2004 года в виде специальных почетных дипломов,
отмечающих высшие достижения современной русской поэзии.

Торжественное вручение дипломов лауреатам 2003 и 2004 годов
состоится на юбилейном вечере в честь 80-летия
«Нового мира» одновременно с вручением
премии имени Юрия Казакова
и ежегодных редакционных премий авторам журнала
в начале 2005 года.

Координаторский совет:
АНДРЕЙ ВАСИЛЕВСКИЙ,
ВЛАДИМИР ГУБАЙЛОВСКИЙ,
ИРИНА РОДНЯНСКАЯ.

Контактный телефон (095) 209-57-02
nmir@lenta.ru

Издание выходит при поддержке Министерства культуры и массовых
коммуникаций Российской Федерации.

ДНИ ЕВНИК ПИСАТЕЛЯ

А. СОЛЖЕНИЦЫН

НАГРАДЫ МИХАИЛУ БУЛГАКОВУ ПРИ ЖИЗНИ И ПОСМЕРТНО

Из «Литературной коллекции»

... **В**от — «Дни Турбиных», как их писать? Осмелиться сказать где-то в полноту мысли, как думаешь? — сразу же будешь контрреволюционер, белогвардеец, и даже к стенке. Значит — маскируйся, изображай себя как будто непонимающим — и снисходительная тебе оценка с большевицких верхов, Луначарский: в пьесе «политические разговоры... почти идиотически скудны... недостатки булгаковской пьесы вытекают из глубокого мещанства их автора... Он сам является политическим недотёпой»¹. А кто позорче, постарательней, тот и всё равно видит: «...идеализация белой гвардии, извращает по существу эпоху гражданской войны», «отрыжка великодержавного шовинизма», «дать отпор булгаковщине!»² Или так: произведения Булгакова, «за которые он всецело отвечает» (*всецело* — это уж значит: перед ГПУ?..). «Белая гвардия» была «контрреволюционный обывательский смешок», а «Дни Турбиных» — «неудачная попытка трагической обработки материала», в основе которого — фарс. Вывод: «Булгаков выражает настроения той обывательщины, главным контрреволюционным орудием которой является сплетня и анекдот», «Булгаков свои мысли скрывает довольно тщательно»³. Или женщина-критик с неукротимой подписью Мустангова (Елена Яковлевна Рабинович): «тонкие и замаскированные приёмы» Булгакова, «автор нарочито даёт ложные следы»; «Булгаков не хочет приспособиться... идеологически к советской действительности». (Ах, возьмите её себе!) «Дьяволиада», «Роковые яйца» — «фантастический размах анекдота даёт повод для того, чтобы искать за рассказом Булгакова „другой смысл“», «советские анекдоты вырастают в угрожающую картину „большевистского рая“», «Рокки в кожаных куртках умеют только разрушать, но не умеют созидать»⁴.

В ответ на премьеру «Турбиных» Безыменский написал «Открытое письмо МХАТу I»: Булгаков — «мелкобуржуазное отродье, брызжущее бессильной слюной на рабочий класс и его коммунистические идеалы». — Да слабей ли громыхнул Маяковский: «Дни Турбиных» — социальный заказ кулачества. — Да три «морячка» убивали Булгакова в спину кортиками — Ф. Раскольников, Билль-Белоцерковский и В. Вишневский (зарубил «Мольера» в театре на Фонтанке, впрочем ранее его на «Мольера» выскочил О. Литовский). Не упустим и подленькую эпиграмму Ю. Олеси, что Булгаков «бел нутром». А у Б. Алперса это звучало: «реакционные домыслы Булгакова», у М. Майзеля: «апология чистой белогвардейщины». (Вынюживали, верно вынюживали гончие.)

Да что там! — пройдёт тридцать лет — и убелённый позорными сединами «излюбленный враг» О. Литовский уже в хрущёвское время в оглядку

© А. Солженицын.

¹ А. Луначарский в «Известиях» (1926, 8 октября).

² А. Орлинский в «Правде» (1926, 8 октября).

³ Ж. Эльсберг в журнале «На литературном посту» (1927, № 3).

⁴ Е. Мустангова в журнале «Печать и революция» (1927, № 4).

куснёт: «выразительное проявление внутренней эмиграции, хорошо известное под нарицательным именем „булгаковщины“»⁵.

Как было жить Мастеру среди этих ищек и волков? ведь отвечать — не дано. И всем вкруговую — не ответишь. Сам Михаил Афанасьевич составил толстую книгу вырезок — ругательных статей против себя. Ругательных он насчитал 298, а доброжелательных — только 3. Когда-нибудь и все эти статьи вместе опубликовать бы, хоть для историков литературы, пусть ужаснутся.

Вдова Елена Сергеевна передала мне в 1967 хранимый ею список рецензентов — где открытых фамилий, где скрытых трусливых псевдонимов (а чего прятались? ведь писали в угоду властям) — и просила, поручила когда-нибудь огласить. (Это, помимо печатных рецензий, ещё не знал Михаил Афанасьевич о личных жалобах Сталину, как от Билля-Белоцерковского: что «много ставят Булгакова» и что «Бег» — контрреволюционен.) Я обещал Елене Сергеевне, что непременно этот список опубликую — и вот он тут, в том порядке фамилий, как я его получил:

В. Гейм, М. Кубатый (Моргенштерн Мануил Матвеевич), Луначарский, Ашмарин (Витольд Ахрамович), М. Загорский, В. Блюм, А. Орлинский, М. Левидов, А. Ценовский, М. Бройде, Незнакомец (Борис Давидович Флит), А. Безыменский, П. Черский (П. Ф. Червинский), Момус, О. Литовский, Театрал, Е. Мустангова (Е. Я. Рабинович), Старик (Н. Е. Эфрос), А. Флит, Лир (Натан Соломонович Рашковский), Н. Осинский, П. Краснов, Д. Маллори (всё тот же Б. Д. Флит), Уриэль (снова Осаф Семёнович Литовский, уже по какому кругу), Пингвин (Вадим Габриэлевич Шершеневич), Г. Е. Рыклин (фельетонист «Известий», «Правды», десять лет редактировал «Крокодил»), Г. Горбачёв, Садко (опять В. Блюм), Юр. Спасский, Н. Адуев, Бастос Смелый, Савелий Октябрьёв (Борис Григорьевич Самсонов), Никита Крышкин (Николай Константинович Иванов), Р. Пикель, Кузьма Пруткин, В. Павлов, Ст. Ас. (Степан Александрович Асиллов), А. Жаров, П. К-цев (П. М. Керженцев), П. Кр-в (опять Керженцев), И. Кор (Санжур Иван Афанасьевич), В. Орлов, И. Бачелис, Вс. Вишневский, Н. Оружейников (Колесников), В. Кирпотин, С. Дрейден, К. Эллин (Наум Давыдович Лабковский), Д'Актиль (Анатолий Адольфович Френкель), А. Бродский, Г. Немлечин, Первомай Пленумов (Абрам Маркович Гольденберг), Бис, Е. С-ой, Машбиц-Веров, В. Шкловский. (Тогда Шкловский писал: «по гамбургскому счёту — Булгаков у ковра»; а в 60-е годы уверял, как он всегда высоко ценил Булгакова, эпоха...)

И ещё отдельный список заклятых врагов «Турбиных»: Авербах, Киршон, М. Кольцов (Фридлянд), Ф. Раскольников (Ильин), Фурер, Ян Стэн (Борис Вениаминович Бернштейн), Сутырин, Пельше, И. Нусинов, С. Якубовский, К. Минский, В. Каплун, В. Алперс, В. Зархин, Я. Кут, Б. Вакс, Новов-Дубовский, Гроссман-Рошин, Т. Рокотов, А. Придорогин, М. Лиров, Г. Лелевич (Калмансон), Б. Розенцвейг, Зельцер, Грандов, В. Ермилов.

Так двигалась на Булгакова бетонная, безжалостная стена, и через бойницы её, в расписных масках, со справками о благонамеренности от ГПУ, звонко-звучно палили все эти загадочные и недосыгаемые Пингины, Лиры, Театралы, Уриэли, Садко, Бастосы, Эллины, Стэны, Маллори, Незнакомцы (а какая подлость: бранить последними словами и подписываться «Незнакомец»?). Изю всех газет и журналов статьи рыгали, блевали, плевали в одинокого Мастера — и негде было опровергнуть, ответить, оправдаться.

Блистательного как солнце Булгакова, из ярчайших во всей русской литературе, эти *пролетарские* перья и докалывали до слепоты и до смерти. (Да они ж прижигали и Замятина, и Пильняка, и Платонова.)

И вот: их смыло или изничтожило, как не было. И ныне — дети тех исподлобных критиков прочувственно ходят в поклонниках «Мастера и Маргариты».

⁵ Литовский О. Так и было. М., «Советский писатель», 1958, стр. 205.

В 1989 — 1992 кучно прошли 100-летние юбилеи Ахматовой, Пастернака, Мандельштама, Булгакова и Цветаевой — и как же бы в этом трагическом ряду могли бы не выцелить Булгакова, и — еще, и ещё не нашёлкать ему к столетию?

Собрали юбилейный номер «Литературного обозрения» (1991, № 5), два десятка статей — соотечественных, западно-славистских и израильских авторов. От такого сборника ожидаешь всесторонней научной дискуссии о Булгакове. Но — что в нём?!

Он составлен пестро и довольно беспорядочно, нестройная россыпь. Есть и статьи, по сути мало относящиеся собственно к Булгакову. Есть поиски литературоведческие и философские, разного калибра и успешности, иногда с переборами, переброями малосерьёзных парадоксальных догадок, раскладок и предположений.

Нашлось в юбилейном сборнике место и для обзора оценок «Собачьего сердца» гарвардскими студентами 80-х годов, *невежественно* не понимающими *ничего* в советской обстановке 20-х годов, для их вывороченно перевёрнутых суждений, кричащего извращения булгаковского сюжета («услышишь суд глупца...») — однако сочувственно комментируемых нынешними их наставниками из недавней советской эмиграции. (Правда, нашлось место и для глубокого объяснительного противовеса, социолог С. Шведов.) Но на сколько же десятилетий и океанских тысяч миль протягивают эту непродёрную дискуссию в оскорбительный подарок к столетнему юбилею писателя?

Впрочем тут, к уместному сопоставлению, прилегают и привременные Булгакову суждения критиков из первой русской эмиграции. Одни вовсе не заметили и существования Булгакова. — Г. Адамович (1927), оценив «толстовскую» силу в «Белой гвардии» — умудрился проигнорировать те сети *Несвободы*, в которых Булгаков немо бился; не понял, что *умолчание* в напряжённом тексте уже было формой крика из задавленного горла. А В. Ходасевич (1931), с каким же нечувствием: «Мне было трудно поверить... в отчаянную смелость Булгакова», «литературный расчёт тут налицо», «нет ни малейшего сочувствия к белому делу», «удар, который он наносит белой гвардии... хочет её унижить», «ни единого слова о смысле и цели её существования, о пафосе её борьбы».

И ещё тянется цепочка статей — фонтан догадок — с целью представить Булгакова несамостоятельным писателем, сплетённым из одних заимствований, подражаний, перефразировок, — ещё хорошо, если из Пушкина («Капитанская дочка?»), Гоголя («Мёртвые души?»), Толстого, Достоевского, Блока, — но из Кузмина, Сологуба, а то мельче, мельче, из самых третьестепенных источников, — и это редкость, когда допускают влияние Данте и Гёте. (Ещё в другом месте нам было предложено искать родство «Мастера и Маргариты» с «Двенадцатью стульями».) Тем самым собственное творчество Булгакова как бы и вовсе исключается. (Впрочем — это общее «хлебное» направление — если не болезнь — современного литературоведения: любого автора объяснять не из него самого и его неповторимой жизни, его стиля, а из «подражаний» и «влиятий», где даже их и вовсе нет.) И кропотливым плетением всяких таких истолкований и запредельных предположений дотаскивают нас до того, что: «превращения Шарикова — антитеза преображения Христа», а уже в «Собачьем сердце» — «первая попытка Булгакова сконструировать новое Евангелие».

Вот так: чего Булгаков недополучил за свои 49 лет жизни — то получил к столетию — отыграть наконец стихийное восхищение им, разыгравшееся у советских читателей в 60—70-е годы?

Да ещё не упустите, как же, как же! Сборник находит уместным напечатать здесь полностью и советскую пьеску 1928 года, которая даже в то глумливое время не нашла пути на сцену, мерзейшую топорность, более бездарного текста нельзя и составить, уж не говоря, что не лежала рядом с искусством (ругательную по отношению к Добровольческой армии, но с выхваченными искореженными крупностями из «Дней Турбиных», что придаёт ей претензию на «пародию»). Пьеска эта когда-то довела Булгакова «до остервенения», но,

увы, совсем забыта публикою, — так вот и полезно к юбилею презентовать её неосведомлённому российскому читателю, сопроводив шаржевым портретом Булгакова. От этого сценического обрубка, предваряют нас составители, «читателя ждёт богатый материал для размышлений», а Л. Кацис ещё добавляет, что «художественные особенности» пьесы «позволяют с уверенностью говорить о возможном влиянии [этой] пародии на серьёзные вещи Булгакова». То есть не погнушался Михаил Афанасьевич черпать и из этойкой лужи.

Но врывается в юбилейный сборник ещё одна статья — которой могло бы и не быть? Это — статья М. Золотоносова — в тот же май 1991 сдублированная в израильском журнале «22» (№ 76) и, кажется, ещё стриблированная в демократическом советском издании «Согласие» (1991, № 5).

Еврейская тема? — да, оказывается, именно она! — «позволяет выявить в романе [„Мастер и Маргарита“] до сих пор не расшифрованный генезис некоторых сюжетных и образных структур».

«Говоря о Булгакове», не только «можно предположить, что он не был изолирован» от сильного интереса к еврейской теме, да к тому же — «служил в Добровольческой армии, в которой антисемитизм был развит очень сильно» (доказательство наповал), но, окончательно: «дневник Булгакова 1923 — 1925 годов показал: к „еврейской теме“ писатель не был равнодушен. Нетрудно, например, из одной записи об издательстве Льва Давидовича Френкеля... вывести элементарный антисемитизм», ненависть «„пролетария“ Булгакова к „машинно налаженному делу“ Френкеля, приносящему доход и сытую обеспеченную жизнь, которой лишён писатель». Вот, всего-то таковы мотивы этого литературоведки Булгакова. Да больше того, сюда идёт и лозунг Шарикова: «Можно даже предположить, что отношение Булгакова и к лозунгу „Всё поделить!“ не было столь уж простым и однозначным». (Булгаков — комбедовец?) А ещё же сам «интерес Булгакова к политике, к Германии и Польше, позволяет предположить некие панславистические концепции, из которых вытекало одобрение готовящейся экспансии СССР в Европе», — а? каково открытие? (Булгаков — пособник советского империализма?) Так что пора разрушить «„оптимизированную“ биографию Булгакова, неправоммерно сближенного с идеальным Мастером».

Отдышавшись, переходим к разработке подетальнее. «Мастер и Маргарита» оказывается даже «путеводителем по субкультуре русского антисемитизма». (Золотоносов так подогнал, сочинил так, чтобы мочь из больших букв составить сокращением поносное ругательство СРА. И, похоже, для него было важно не столько действительно уличить Булгакова в антисемитизме, сколько припечатать вот этой печатью-кличкой. Он находит её столь остроумной, что пронизывает ею всю статью: 28 раз (!) сорит этой, отныне неотразимой, как он думает, кличкой. Так и захлёбывается: СРА, СРА, СРА... В ряде цитат мы здесь опускаем эту жемчужину.) Еврейская тема в романе Булгакова «существует в двух ипостасях: явной и тайной». Тут кстати припоминается и «иудейское „лобби“ при римском императоре, которое делало прокуратора Иудеи Понтия Пилата послушным решениям Синедриона».

И Золотоносов кидается по следу — по следам — и даже без следов. Прежде всего — изучать по возможности зачёркнутые варианты: чего Булгаков не написал, но мог думать; например, реконструировать, что Иванушка кричал: «бейте арамея» (и даже «бейте жида злодея», но — зачёркнуто; в переключке с этой темой сборник публикует и реконструкцию отвергнутых автором отрывков из 1-й редакции «Мастера»). — А вот штрих и посильней: свою дневниковую тетрадь Булгаков озаглавил: «Мой дневник», — но именно это оригинальное, неповторимое название было и у позднего махрового славянофила-шовиниста С. Шарапова. Так что «можно подозревать всю эту проблематику, уже «можно выдвинуть рабочую гипотезу о том, что первоначально [задумывая роман] Булгаков имел в виду именно готовую идею мирового еврейского заговора». Вот и найдено! Легко ж искомое добыто...

И если другие исследователи уже уличили Булгакова в сплошных литературных заимствованиях, то Золотоносов уличает его в сплошных заимствованиях антисемитских и культово-мистических. И тут из тьмы выдвигаются нам пред глаза имена иностранные и российские, полуизвестные, неизвестные, и до самого четвёртого сорта, — сколько же критик излезил! и книги о «всемирном господстве евреев», и оккультные романы дешёвых романисток (и даже столбики построчных сравнений: Булгаков — и вся та оккультистика), и «знаменитый доктор Папюс», каббалист, председатель ордена мартинистов и ещё нескольких масонских лож, а уж от него — прямая дорожка к доктору Воланду, а за этим «определённо стоят сатанинские силы зла» и «нетрудно догадаться, какова природа этих сил», это «хорошо известный мировой еврейский заговор, „тайное мировое правительство“!» И теперь остаточная трудность только: как верней истолковать первую букву Воланда — «W»: от главы иллюминатов Вейсгаупта или от министра Витте — «преподобного Ротшильда», одного из главных объектов критики антисемитов. — Правда, с теми оккультными романами не совсем без сходств: героиню перед дьявольским балом там натирают розовым маслом, она идёт на пир нагая, где выпивает чашу с кровью. Но и такое же разительное сходство: «не случайно Воланд так любит мясо и вино» — в тех романах тоже «сатанисты жадно едят мясо и много пьют» (чего мы уж никак не увидим ни у кого в жизненных реальных эпизодах всех времён). И ещё же доказательство: чёрная месса — святотатственна, а «святотатство — это прерогатива евреев». Или, не менее сразительно: «волшебные деньги, которые возникают во время сеанса в Варьете, связаны с распространённой темой власти евреев» — «вследствие концентрации в их руках значительных капиталов и золота». И как же мы сами не догадались! Да в любом цирковом фокусе наверно же есть свой хитрый намёк! — Да хуже того: «с еврейской же темой связана и *дача взятки*!» — ну разве же даёт взятки кто-нибудь кому-нибудь, кроме евреев?.. — И ещё ж мучительный намёк: сама буква «М» (буква на шапочке Мастера! Маргарита, Мессир, барон Майгель — да и Массолит!) — ведь она в ивритском алфавите «имеет *тринадцатый* порядковый номер» и «означает „некромантию“, т. е. вызывание „воздушных трупов“» — а замечьте, замечьте: у Булгакова «глава „Явление героя“ имеет *тринадцатый* номер не случайно!» Ну и ещё же: само упоминание в романе Иммануила Канта уже есть намёк на иллюминатов — ибо, да! да! — «А. Вейсгаупт теоретически мог встречаться и с И. Кантом», — а вот и Воланд встречался. Наконец и загадочное употребление Булгаковым слова «свет» — тоже явный намёк на иллюминатов, — а что значит иначе «заслужил свет»?

Все эти умомрачающие доводы критика соединяются и выстраиваются в целое такими несокрушимыми звеньями: «можно даже предположить», «можно подозревать», «не исключено, что», «нельзя исключить того, что», «не случайно, наконец», «это обстоятельство не могло не создавать подтекста», «Булгаков мог заимствовать»; «мало вероятно, что Булгаков мог» иметь в виду нечто помимо «рабочей гипотезы» критика. «Конечно, теоретически можно допустить, что... однако... (Добавьте сюда ещё и терминологическую эрудицию критика: не какое-нибудь простое «обезглавление», а мудрая «декапитация» и пр.)

Чего не хватает тому же Золотоносову, а другим сухо эрудированным критикам — это простого сердечного чутья, которое даёт воспринять автора в целом и вживе, а не сводить великого писателя к вороватым заимствованиям. Какая мелкая, жалкая трактовка выдающегося философского романа: еврейский вопрос, как стоял он в Москве в 20-е годы, застил критику все глаза. Можно поразиться, сколько же бросовой беллетристики Золотоносов методически изучал — и для чего? Для кривой цели: найти оттуда плагиатские взятки Булгакова и через то уличить «Мастера и Маргариту» в антисемитизме. А его-то — как раз в романе и нет. И к чему все эти сложные изыски? Кто понимает советские 20—30-е годы — не нуждается в них. *Всякий*, кто попытался бы тогда без иносказаний скопировать реальность, даже в малых чётрочках московского быта, — был бы обвинён в антисемитизме. Да, вся окружавшая

обстановка давала достаточно художественных импульсов, и уж куда бы проще Булгакову хлестнуть остроумием по еврейскому влиянию в московских культурных кругах 20-х годов, — но не делает он этого. — Не делает? но, небось, хотел бы? так на чистую воду его! (Кто помнит, была в Уголовном кодексе такая статья 19-я, удобно шла довеском к Пятьдесят Восьмой: «*через намерение*»...) — И было ли *ещё такое* истолкование Воланда одним из вариантов ветвистого замысла? Если мы явно видим, что Булгаков благорасположен к Воланду и его свите, — почему нужно вообразить, что он закодировал в них «еврейское мировое господство»? Или Булгаков — жаждет его? восхищается им?

Золотоносов к концу и сам почувствовал, что его занесло. И тогда с сожалением (но не впереверс всей статье) приписывает малую оговорку: «В конце концов, отсылки к СРА „затерялись“ в большом романном построении; экзистенциальная постановка всех вопросов переосмыслила отношение к силам зла, действующим в романе; на первый план вышли „вечные“ проблемы, лишённые национальной специфики».

Ну наконец-то понял. Вечные проблемы — отначала и были на первом плане.

А самой-то главной загадки романа — почему, из чего у Булгакова родилось такое кардинальное отклонение от евангельской истории, до переоборачивания её духовного смысла? — этого атеистическая, из советского праха выросшая критика даже и не потянулась поднять.

Впрочем, разноречивый этот Сборник содержит вклад и серьёзнейшей нашей исследовательницы Булгакова М. Чудаковой (известны также и веские оценки К. Икрамова — «Новое литературное обозрение», 1993, № 4), и красочное, капризное эссе М. Каганской, передающее живое ощущение личности Булгакова и понимание его зашемлённости в раннесоветские годы.

А завершается статья о «Мастере» (П. Андреев) — свободной от литературоведческих канонов и приёмов, — с просторными мыслями и прозрачным видением. Что этот роман — о Христе и дьяволе, о величайших человеческих грехах, о мире всеобщего оскудения, о том, как Добро оставило мир, «человек сдался». — Но и «ясная гармоничная мелодия вступает вместе с загадочным лунным лучом», «слабая отдалённая надежда на наступление царства истины». «Очевидно, тайна всех незаурядных произведений искусства в том, что в них незримо присутствует это загадочное „иное“ измерение».

